

0. 777340

На правах рукописи

ГРОМОВА Алла Витальевна

**ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА ТВОРЧЕСТВА Б.К. ЗАЙЦЕВА:
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ
И ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Орел
2009

Работа выполнена в АОУ ВПО
«Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
на кафедре литературы и русского языка филологического факультета

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор

**Михенчева
Екатерина Александровна**

доктор филологических наук,
профессор

**Калениченко
Ольга Николаевна**

доктор филологических наук

**Любомудров
Алексей Маркович**

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический
университет»

Защита диссертации состоится «14» апреля 2009 г. в 14
на заседании диссертационного совета Д 212.183.02 при Орловском государст-
венном университете по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Орловского
государственного университета по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская,
д. 95.

Автореферат разослан «3» марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

А.А. Бельская

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547552

А.А. БЕЛЬСКАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень научной разработанности темы. Наследие Б.К.Зайцева, как и других представителей Русского Зарубежья, стало объектом научного изучения относительно недавно. В 1971 г. в Нью-Йорке вышла монография А. Шиляевой¹, в 1982 в Париже – библиографический указатель произведений писателя². В конце 1980-х годов вспыхнул интерес к «возвращенной литературе» в России, что привело к появлению обширного корпуса работ о творчестве Зайцева. Первоначально внимание ученых было сосредоточено на частных вопросах поэтики писателя; наиболее подробно анализировался его стиль. Импрессионистические тенденции прозы Зайцева, лиризм и цветопись исследовались в монографиях Л.В. Усенко и В.Т. Захаровой, в диссертациях Ю.А. Драгуновой, И.А. Полузковой, А.В. Курочкиной и О.С. Мерцаловой. Затрагивались такие аспекты поэтики, как сюжетосложение, композиция и мотивная структура рассказов и повестей (Ю.М. Камильянова, С.В. Сомова, Г.В. Воробьева), изучалась жанровая поэтика новеллы (О.Н. Калениченко), романа (В.Н. Конорева), путевого цикла (Н.Б. Глушкова). Из произведений периода эмиграции наибольшее внимание ученых привлекли художественные биографии, которым посвящены диссертационные исследования О.В. Дефье. Н.Н. Жуковой, О.А. Кашпур, Н.Н. Завгородней, А.В. Ярковой, И.А. Минаевой. Объектом научного исследования становился историзм произведений Зайцева (Л.А. Трубина, Т.Н. Фоминых), автобиографизм (Л.И. Бронская), наследование традиций русской классической прозы (И.А. Куделько), специфика художественного метода (Е.Ф. Дудина).

В большинстве указанных работ рассматривались отдельные группы произведений Зайцева, чаще всего – в сопоставлении с произведениями других авторов. Исследование творчества Зайцева как системного единства, изучение внутренних закономерностей его эволюции длительное время не предпринималось. Лишь в 2000-е годы появились работы, в которых наследие писателя рассматривается как целое, в совокупности разнообразных эстетических проявлений. Ученые нашли несколько возможных ракурсов исследования этой проблемы. Так, А.М. Любомудров считает источником внутренней цельности художе-

¹ Шиляева А. Б. Зайцев и его беллетризованные биографии. Нью-Йорк, 1971.

² Б.К. Зайцев: Библиографический указатель / Сост. Р. Герра. Под ред. Т.А. Осоргиной. Париж, 1982.

ственного мира писателя метод «духовного реализма»³, Н.И. Пак – наследование традиций древнерусской культуры⁴, Т.М. Степанова – публицистичность, или эссеистское начало⁵, С.В. Сомова характеризует константы зайцевской поэтики (сквозные образы и мотивы)⁶. В настоящей диссертации для выявления индивидуально-творческого единства мира писателя проводится анализ жанровой системы, поскольку жанр представляется одной из наиболее масштабных и значимых системообразующих категорий. Индивидуальная жанровая система Зайцева еще не становилась предметом научного изучения, чем обоснована актуальность избранной темы.

Специфика творчества Зайцева была обусловлена стремлением писателя открыто «выражать себя», что привело к преобладанию жанров с документальной основой: как мемуарных (мемуарные очерки, литературные портреты), так и написанных по канве исторических источников (беллетризованное житие, художественная биография). В наследии писателя наличествуют и произведения, допускающие прямое звучание авторского голоса: газетно-публицистические и литературно-критические выступления, дневники, письма. При этом творчество Зайцева обладает глубоким внутренним единством, произведения разных жанров не только дополняют друг друга по содержанию, но подчас оказываются генетически связаны. Например, литературно-критические жанры (рецензия, статья, силуэт, критико-биографический очерк) объясняют движение Зайцева к жанру биографии и литературного портрета, поэтому оказалось целесообразным наряду с художественно-документальными жанрами уделить внимание литературно-критическим произведениям в наследии Зайцева.

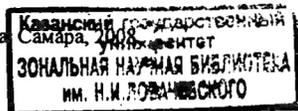
Объектом диссертационного исследования является художественно-документальная и литературно-критическая проза Зайцева, **предметом** – структура и специфика функционирования жанровой системы в творчестве писателя, конкретные художественно-документальные и литературно-критические жанры в их индивидуально-творческих модификациях. В качестве **материала** анализа выступает около девятистот произведений, включая редкие материалы: публикации в периодике Русского зарубежья 1920–1960-х годов, а также письма и

³ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья (Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев). СПб., 2003.

⁴ См.: Пак Н.И. Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева. М.; Калуга, 2003.

⁵ Степанова Т.М. Художественный мир публицистики русского зарубежья. Б. Зайцев. М., 2004.

⁶ См.: Сомова С.В. Поэтика Б. Зайцева

рукописи Зайцева из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛМТ), Архива-Музея Библиотеки-Фонда «Русское зарубежье» (АМ БФРЗ).

Цель исследования – изучение характера жанровой системности в творчестве Зайцева на фоне литературной традиции XIX–XX веков – обусловила постановку конкретных задач:

- установить особенности формирования жанровой системы писателя и определить динамику ее развития;

- проанализировать жанровый состав литературной критики Зайцева, выявить истоки его литературно-критического метода и историко-литературной концепции в философско-эстетической (импрессионистской и символистской) критике, проследить взаимосвязь критических жанров статьи, силуэта и биографического очерка с художественно-документальными жанрами биографии и литературного портрета;

- охарактеризовать поэтику художественных биографий Зайцева: принципы создания образа героя (психологическое «вчувствование» в эмоционально-творческий мир художника) и способы беллетризации документального текста (включение портретных и пейзажных описаний, реконструкция бытовых картин, создание мифопоэтического подтекста);

- определить различия между жанрами мемуарного очерка и литературного портрета в творчестве Зайцева, выявить в жанре литературного портрета и его разновидности – некролога – принципы композиционной организации (свободная композиция, лейтмотивное построение) и характерологические средства (воссоздание пластического облика героя, введение интерьера и пейзажа, использование историко-культурных реминисценций);

- проанализировать тетралогию Зайцева «Путешествие Глеба» с точки зрения использования фактологической основы и организации повествования, показать принципиальное отличие автобиографического романа от группы художественно-документальных жанров;

- выявить документальную основу в путевых циклах Зайцева, установить характер документальности в жанре путевого очерка (соотношение дневникового начала и справочного материала, заимствованного из книжных источников);

- охарактеризовать разновидности дневниковых форм в лирико-исповедальной публицистике Зайцева;

- дать обзор эпистолярного наследия писателя с целью характеристики документального жанра письма, показать его полижанровую и полистилистичную природу.

Исследование базируется на **комплексном подходе**, включающем использование биографического, сравнительно-исторического, типологического, функционального, структурного методов, а также элементов лингвистического, текстологического и других междисциплинарных подходов.

Научная новизна диссертации обусловлена выбором объекта и предмета исследования, новыми подходами к прозе Зайцева, анализом малоизвестных и архивных источников.

- Впервые проводится цельное исследование жанровой системы творчества Зайцева;
- Литературно-критическая и художественно-документальная проза писателя впервые рассматривается как идейно-художественное целое и типологическое единство;
- Благодаря привлечению широкого историко-литературного контекста исследуются истоки литературно-критического метода писателя;
- Выявляется индивидуально-авторская специфика жанров рецензии, литературно-критической статьи, силуэта, биографического очерка, литературного портрета, некролога, путевого очерка, дневника, письма в творчестве Зайцева;
- Впервые рассматривается весь массив литературно-критических и художественно-документальных произведений Зайцева.
- Вводятся в научный оборот ранее неизвестные тексты писателя.

Теоретико-методологической основой исследования стали труды отечественных литературоведов, посвященные проблеме жанра (М.М. Бахтина, Г.Н.Поспелова, Б.В. Томашевского, В.А. Хализева, Л.В. Чернец), жанровой системности (Ю.Н. Тынянова, Д.С. Лихачева, Ю.В. Стенника), а также работы, рассматривающие поэтику литературной критики (Б.Ф. Егорова, Д.Е. Максимова, М.Я. Полякова, В.В. Перхина, В.Н. Коновалова, В.Н. Крылова) и художественно-документальной литературы (В.С. Барахова, Г.О. Винокура, Л.Я. Гинзбург, В.Я. Гречнева, Г.Г. Елизаветиной, Т.М. Колядич, П.В. Куприяновского, Ю.М. Лотмана, Е.Г. Местергази, П.В. Палиевского, В.М. Пискунова, А.Г. Тоне и др.). Плодотворными для исследования оказались работы, посвященные изу-

чению индивидуальной жанровой системы отдельных писателей⁷. Ученые убедительно показали перспективность такого подхода, который предполагает не только характеристику конкретных жанров, но и выявление специфики отношений, возникающих между ними, что позволяет увидеть своеобразие творчества писателя в целом. Однако нельзя говорить о существовании готовой модели анализа, поскольку в каждом конкретном случае мы имеем дело с оригинальной авторской системой жанров, структура которой предопределяется творческой индивидуальностью писателя.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основу жанровой системы Зайцева составляют произведения с документальной основой, что обусловлено своеобразием творческого дара писателя. В раннем творчестве стремление открыто «выражать себя» привело к наличию «скрытого автобиографизма», который проявился в повышенном лиризме прозы и преломлении фактов собственной биографии в художественных произведениях писателя. В эпоху исторических катаклизмов (1917–1922) автобиографизм стал выраженным, в творческой практике Зайцева появились жанры мемуарного очерка и литературного портрета, а в период эмиграции художественно-документальные жанры начали преобладать.

2. Важной составляющей жанровой системы Зайцева являются жанры литературной критики: рецензия, статья, силуэт писателя, биографический очерк. Метод Зайцева сформировался под влиянием импрессионистического течения в критике рубежа веков и был ориентирован на эстетические открытия Ю. Айхенвальда. Большинство конкретных оценок литературного процесса XIX века соотносимо с идеями символистов (в частности, Д. Мережковского). В критике Зайцева проявилась тенденция к образованию жанровых гибридов (рецензия-портрет, рецензия – проблемная или публицистическая статья), а жанры силуэта и биографического очерка послужили источником художественно-документальных жанров беллетризованной биографии и литературного портрета.

3. Обращение Зайцева к популярному в 1920–1930-е годы в западноевропейской литературе жанру художественной (или «беллетризованной») биографии отразило его интерес к личности и внутреннему миру русских писателей: Тургенева, Жуковского, Чехова. Зайцев создал свою разновидность жанра: пси-

⁷ Журавлева А.И. Жанровая система драматургии А.Н. Островского: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1985; Захаров В.Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985; Беляева И.А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.

хологизированную биографию с преимущественным интересом к вопросам любви, религиозной веры и подсознательным основам творчества. В биографиях русских писателей применены такие способы беллетризации текста, как включение портретных и пейзажных описаний, реконструкция бытовых картин, а также создание при помощи историко-культурных реминисценций мифопоэтического подтекста, формирующего мотив сакрализации женственности.

4. Широко представленные в творчестве Зайцева жанры мемуарного очерка и литературного портрета близки, но не тождественны: в мемуарном очерке объектом художественного исследования являются факты жизни автора и его собственный внутренний мир, в литературном портрете – личность одного из современников. Разновидностью литературного портрета является художественный некролог. Отбор биографических фактов и характеристических средств в портрете обусловлен авторским видением героя. Поэтике портретов присуща импрессионистическая стилистика, повышенный лиризм, лейтмотивное построение образа, изображение пластического облика героя (его внешности, жестов), введение метафорически значимых деталей портрета, интерьера и пейзажа, использование историко-культурных реминисценций.

5. Среди жанров мемуарно-автобиографической прозы особое место занимает автобиографический роман: произведение, написанное по канве фактов жизни автора, но использующее домысел и вымысел, вследствие чего оно перестает быть строго документальным. В тетралогии «Путешествие Глеба» Зайцев воспроизвел многие факты своей биографии, но поставил цель создать типический образ представителя своего социального слоя и своего поколения. Для осуществления этой задачи автор обобщил и типизировал разрозненные биографические факты и избрал форму повествования от третьего лица, намеренно отделяя себя от главного героя произведения. Сохраняя отчасти документальную основу, произведения цикла являются социально-психологическими романами о становлении личности и изображают русскую жизнь конца XIX – начала XX в.

6. Значимое место в творческом наследии Зайцева занимают циклы путевых очерков «Италия», «Прованс», «Афон» и «Валаам», сохранившие связь с древнерусским жанром «хожений» и представляющие собой культурологические хождения нового времени. В жанрово-композиционном отношении это произведения, совмещающие личные наблюдения автора и справочный материал, заимствованный из книжных источников. Отрывочные впечатления скрепляются последовательно проведенной культурологической концепцией. Так, в

«Италии» отражено представление Зайцева о путях культурного развития Европы, обусловленного закономерной сменой языческого мировосприятия более совершенным христианским. «Прованс» строится на противопоставлении категорий «цивилизации» и «культуры». В «Афоне» автор исследовал экзотический мир европейского православного монастыря, а в «Валааме» воссоздал благостную атмосферу уголка русского православия.

7. Документально-художественный жанр дневника реализовался в творчестве Зайцева в лирико-исповедальной публицистике, использующей дневниковые формы (цикл «Странник») и публицистическом жанре «дневника писателя» (циклы «Дневник писателя», «Дни»).

8. Эпистолярные тексты Зайцева, не претендуя на эстетическое значение, несут на себе черты индивидуального авторского стиля. Они обладают полижанровой и полистилистичной природой, содержат включения дневникового, мемуарного, литературно-критического и публицистического характера, дополняя, таким образом, художественно-документальную прозу писателя.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что ее выводы о специфике индивидуальной жанровой системы писателя, а также о бытовании и модификациях литературно-критических и художественно-документальных жанров могут быть применены при разработке проблем истории и теории русской литературы, литературной критики и журналистики XX в. Результаты исследования имеют **практическое** значение и могут использоваться при дальнейшем научном изучении творчества Зайцева (в том числе при подготовке академического собрания сочинений писателя), при составлении учебных пособий для высшей и средней школы, в практике вузовского и школьного преподавания. Результаты исследования были положены в основу программ спецкурсов и спецсеминаров, проведенных в ЛГУ им. А.С. Пушкина в 1995–2004 годах.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на научных конференциях, семинарах и круглых столах: «Пушкинские чтения» (Санкт-Петербург, 1996–2008), «Горьковские чтения» (Нижегород, 1997; Москва, 2008), «Творчество И.С. Тургенева» (ИРЛИ, 1998), «Школа литературного портрета и рецензии» (Санкт-Петербург, 1998, 2001), «Православие и русская культура» (ИРЛИ, 2002, 2003), «Литературный Петербург» (Санкт-Петербург, 2003), «Зайцевские чтения» (Калуга, 1996, 1998, 2000, 2002, 2005), юбилейные конференции, посвященные творчеству Б. Зайцева (Орел, 1998, 2006), юбилейная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию ОГУ (Орел, 2001), «Проблемы культуры Русского зарубежья» (Москва,

2006), «Нижегородский текст русской словесности» (Нижний Новгород, 2007), «Виноградовские чтения» (Москва, 2007), «Московский текст русской литературы» (Москва, 2008), «Литература и документ» (ИМЛИ, 2008) и др.

Содержание некоторых докладов получило освещение на страницах ведущих научных изданий: «Русская литература» (2001, №3, с.234; 2002, №4; 2003, №4), «Вестник Санкт-Петербургского университета» (2002, №2), «Христианство и русская литература» (Вып.5, СПб., 2006, с.685, 706–707).

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры литературы и русского языка ЛГУ им. А.С. Пушкина.

Основные результаты исследования отражены в 46 публикациях общим объемом 48,8 п.л.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии. Объем диссертации – 522 страницы, библиография включает 519 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** характеризуется научное состояние изучаемой проблемы, обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, его цели и задачи, излагается теоретическая и практическая значимость результатов работы.

В первой главе диссертации «**Литературно-критические жанры в творчестве Б.К. Зайцева**» впервые проводится системный анализ литературной критики Зайцева на материале 95 произведений (включая малоизвестные тексты из эмигрантской периодики 1920–1930-х гг. и архивные материалы из фондов ОГЛИМТ).

В §1.1. рассматриваются теоретическая разработка жанров литературной критики и истоки литературно-критического метода Зайцева.

Разработка теории литературно-критических жанров, начатая в 1925 г. Л.П. Гроссманом и продолженная Б.Ф. Егоровым, Д.Е. Максимовым, М.Я. Поляковым, В.В. Перхихим, В.Н. Крыловым и др., пока не завершена. В настоящей диссертации избирается классификация критических жанров по объекту исследования. Три основных объекта: *произведение, процесс и автор* порождают соответственно три основных жанра критики: *рецензию, статью, портрет*. Необходимо отметить, что литературный портрет, выделившись из круга критических жанров, обрел самостоятельное бытие благодаря эстетическому качеству. Он отмежевался и от мемуарного очерка в силу четко определяемой спе-

цифики (в частности, объекта изображения и типа композиции). В диссертации созданные Зайцевым мемуарные очерки и литературные портреты выведены за границы литературной критики и анализируются в отдельной главе как эстетически значимые произведения, лишенные свойственных критике «прикладных» функций. В рамках литературной критики остаются такие разновидности портрета, как биографический очерк и силуэт писателя.

Жанровый состав литературной критики Зайцева не многообразен и представлен преимущественно жанрами рецензии, статьи и биографического очерка, а ее своеобразие обусловлено принадлежностью к импрессионистическому течению и ориентацией автора на опыт Ю. Айхенвальда. Зайцева-критика интересовало в литературном произведении отражение духовного мира автора. Характеристика творческого наследия и литературного мастерства писателей в статьях Зайцева не имеет самодовлеющего значения, дается бегло и всегда сопровождается размышлениями о духовной сути, «трудно-рассказуемом ядре» (10, 20)⁸ творческой личности писателя. Проникновение в «душу» произведения осуществлялось не через анализ, а через эмпатию («вчувствование»). Лирической рефлексии критика более всего отвечал жанр «силуэта писателя». Хотя в творческой практике Зайцева силуэт в чистом виде представлен единичными произведениями, он оказался «растворен» в других жанрах: статьи, биографического очерка и даже художественной биографии.

Конкретные литературно-критические оценки Зайцева соотносимы с идеями критики Серебряного века. В 1900-е гг. писатель увлекался символизмом и высоко ценил принесенный им новый взгляд на литературу. Впоследствии Зайцев изменил отношение к этому направлению в искусстве, что было обусловлено духовной эволюцией писателя, обретенного для себя идеала в православии. В 1930–1960 гг. он пересмотрел многие символистские оценки и нередко критиковал поиски «демонического» начала в мире, человеке и литературе, стремился отыскать проявления христианских идей в творчестве писателей (даже тех, которые традиционно считались позитивистами или атеистами).

В § 1.2. охарактеризован жанр литературной рецензии в наследии Зайцева. Анализируется 28 рецензий, 5 из них вводятся в научный оборот впервые⁹.

⁸ Тексты Зайцева цитируются по изданию: Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 11 т. М., 1999–2001. Первая цифра в скобках обозначает том, вторая – страницу.

⁹ «Италия и Гобино», «П.П.Муратов. Образы Италии», рецензии на книги Н.Н. Берберовой «Последние и первые», М.А. Осоргина «Сивцев Вражек», Ф.А. Степуна «Записки прапорщика-артиллериста».

Композиция зайцевских рецензий традиционна (включает общую характеристику рецензируемой книги и ее оценку), а их своеобразие заключается в лиризме, размывающем жесткую структуру текстов. Они могут содержать исповедальные, публицистические или мемуарные фрагменты, переходить в портрет, статью, эссе.

В первые годы эмиграции (1924–1926) Зайцев создает объемные отзывы, в которых наблюдается синтез рецензии и других литературно-критических жанров. Например, рецензии «Италия и Гобино» и «П. Муратов. Образы Италии» близки к проблемной статье, а отзыв на книгу Н. Бердяева «К. Леонтьев» перерастает в двойной литературный портрет: героя книги и ее автора. Во второй половине 1920-х гг. Зайцев пишет преимущественно короткие рецензии на художественные произведения писателей-эмигрантов (Н. Берберовой, И. Бунина, В. Корчемного, М. Осоргина, Ф. Степуна, Тэффи). В 1930-е гг. вновь проявляется тяготение к более свободной форме, дающей возможность включить размышления религиозно-философского характера (отзывы о книгах «Святые Древней Руси» Г. Федотова, «Иисус Неизвестный» Д. Мережковского). Рецензии 1940–1960-х гг. приближаются к жанру эссе. Они входят составной частью в лирический очерк, посвященный какой-либо нравственно-психологической или религиозно-философской проблеме, и имеют обобщенные заглавия: «Утешение книг», «Уходы». Если в 1920–30-е гг. Зайцев был непримирим к советской литературе, то в литературно-критическом творчестве 1950–1960-х гг. появляются положительные отклики на произведения советских писателей: А. Ахматовой, К. Паустовского, Б. Пастернака.

Главная особенность жанровой поэтики зайцевских рецензий – это лиризация и тяготение к более свободным и синтетическим формам, таким как литературный портрет, очерк, статья.

В §1.3. анализируются статьи Б.К. Зайцева, посвященные русскому литературному процессу XIX века.

В наследии Зайцева около шестидесяти произведений представляют собой разновидности жанра литературно-критической статьи. Поскольку интеллигенция Русского зарубежья считала своей миссией сохранение национальной культуры, большинство критических работ было посвящено русской классической литературе. В диссертации рассмотрены оценки, данные Зайцевым русским писателям XIX в., в контексте концепций, сложившихся в эмиграции.

Анализ материала показал, что зайцевская трактовка литературного процесса соотносима с трактовками символистов и других представителей фило-

софско-эстетической критики начала XX в. Следуя широко распространенному на рубеже веков представлению, Зайцев сформулировал мысль о существовании в русской литературе двух течений: пушкинского (светлого, «аполлинического») и гоголевского («дионисийского», «ночного»). «Пушкинское» течение ограничено собственно художническими задачами, «гоголевское» примыкает к миру религии и морали. К первому отнесены Тургенев и Чехов, ко второму – Достоевский и (с оговорками) Л.Толстой¹⁰.

В литературной критике Зайцева проявилась приверженность «тургеневско-чеховской» линии литературного развития: наибольшее число отзывов посвящено Пушкину, Тургеневу и Чехову. Поскольку оценки Зайцева с течением времени принципиально не изменялись, а лишь корректировались, в диссертации избран тематический анализ самых многочисленных и значимых для уяснения позиции Зайцева групп статей: о Пушкине, Гоголе, Тургеневе, Чехове, Л.Толстом и Достоевском.

Девять статей о *А.С. Пушкине*, созданные в 1925–1962 гг., приурочены к памятным пушкинским датам, но в рамках юбилейной статьи критик использует черты разных жанров: публицистической и проблемной статьи, литературного силуэта. В них присутствуют мотивы, характерные как для символистской критики (мысль о «ренессансном» облике поэта), так и для эмигрантской пушкинистики (утверждение особой роли Пушкина как знамени объединения национальной культуры). Восходящее к философско-эстетической критике рубежа веков восприятие Пушкина как представителя «чистого искусства», «полужызычника, полухристианина» прослеживается в статьях Зайцева 1920–1940-х гг.: «Пушкин в нашей душе» (1925), «Памятник Пушкину» (1937), «Пушкин. (Перечитывая его)» (1949). В 1960-е годы оно дополняется идеей о христианской подоснове духовного мира поэта («Три кометы», 1962).

Переход от символистских оценок к христианским наиболее отчетливо проявился в произведениях Зайцева о *Н.В. Гоголе*. В очерке «Гоголь на Пречистенском» (1931) варьируется идея В.В. Розанова, В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского о «демонической» природе гоголевского дара. С середины 1930-х годов (вероятно, после знакомства с книгой К.В. Мочульского «Духовный путь Гоголя», 1934) Зайцев преодолевает символистское понимание этого писателя как носителя «трагического и дьявольского» начала (9, 303) и начинает искать в его творчестве проявления религиозности. Зайцев увидел источник трагизма

¹⁰ См.: Зайцев Б.К. Тургенев и «Отцы и дети» (Послесловие к немецкому изданию романа) // Архив ОГЛМТ. Ф.42. №17753. Лл.1–14.

судьбы Гоголя в том, что, встав на путь духовной жизни, писатель не перешел к духовной прозе, а продолжал создавать сатирические произведения.

В интерпретации творчества *И.С. Тургенева* – одного из самых любимых писателей Зайцева – также прослеживается влияние символистов. Помимо биографии писателя, Зайцев создал восемнадцать статей о нем (1918–1968). Часть из них можно назвать «этюдами к жизнеописанию»: «Тургенев в Париже» (1929), «Тургенев на Съезжей» (1930), «Смерть Тургенева» (1931), «Тургенев и его мать» (1944), «Потомство Тургенева» (1952), «Судьба Тургенева» (1958). Другая группа содержит интерпретацию отдельных произведений или художественного мира писателя в целом: «О Тургеневе» (1918), «Тургенев и Моруа» (1930), «Новый Тургенев» (1931), «Тургенев и “Отцы и дети”», «Столетие “Записок охотника”» (1952), «Перечитывая Тургенева» (1957) и др. Уже в самой ранней статье-силуэте «О Тургеневе» (1918) были обозначены основные тезисы зайцевской концепции творчества этого русского классика, впоследствии положенные в основу его жизнеописания. Это восходящее к идеям Д.С. Мережковского разделение наследия Тургенева на два неравноценных пласта: «общественного» (романного) и лирико-философского (повести, стихотворения в прозе), интерес к теме любви, утверждение о скрытом мистицизме писателя и попытка охарактеризовать его религиозные настроения. В соответствии с этим взглядом Зайцев дает оценки конкретным произведениям Тургенева: несправедливо принижает значение романов, отрицает социальную проблематику «Записок охотника», выделяет произведения о любви как лучшие и наиболее ценные. Анализ статей о Тургеневе еще раз доказывает тезис о том, что литературная критика Зайцева предшествовала его художественно- документальному творчеству: в биографии Тургенева (1931) реализовались идеи, которые первоначально были выражены Зайцевым в жанре литературного силуэта (1918) и затем неоднократно повторены в других статьях.

Интерес Зайцева к *А.П. Чехову* проявился еще в 1900-е гг., но свои мысли о его творчестве Зайцев оформил только в эмиграции. В 1920–1960-е гг. писатель опубликовал свыше полутора десятка произведений о Чехове. Среди них – мемуарный очерк «Памяти Чехова» (1931), юбилейные статьи, рецензии на постановки чеховских пьес за рубежом, биография Чехова (1954), отзыв на книгу Л. Шестова о мировоззрении писателя («Творчество из ничего», 1958), эссе о произведениях Чехова: «Поздний Чехов. (В овраге)» (1960), «Дни [Опять Чехов, опять...]» (1963) и др. Этим разнообразным по жанру произведениям свойственны общие черты, прежде всего, очень личное восприятие Чехова, обусло-

вившее включение в тексты мемуарных и лирических фрагментов. Трактовка творчества Чехова основана на том, что этот писатель – наследник традиций «золотого века» русской литературы, носитель подлинной народности (в противовес «плебейству» М.Горького и «барству» Тургенева и Толстого). Он противопоставлен ведущим литературным явлениям рубежа веков: с одной стороны, литературе авангарда, с другой стороны – идеологизированному искусству М. Горького. Чехов как гуманист и «художник» (без открыто выраженных философских и идейных поисков) близок Тургеневу, но Зайцев отмечает различия в их религиозных устремлениях. Если Тургенев, по мнению критика, не обладал подлинной религиозной верой, то в Чехове жило (вопреки его рационализму) неосознанное религиозное чувство, не замеченное большинством читателей. Эта мысль наиболее последовательно выражена в биографии Чехова (1954). Статьи о Чехове – также пример непосредственной связи литературно-критических и художественно-документальных жанров в наследии Зайцева.

Статьи о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском отразили увлечение Зайцева литературно-критическими идеями Мережковского, к которым, в частности, восходит противопоставление Толстого и Достоевского как «бездны плоти» и «бездны духа». Сравнивая двух писателей, Зайцев считал сходными напряженность их духовных поисков и бунтарство. Но Толстому присуще бунтарство «сверхчеловека», стремящегося отринуть Бога и церковь, а Достоевскому – христианский бунт против зла, сопряженный с глубокой верой в Промысел. Ставя Толстого выше по художественному мастерству, Зайцев утверждал, что Достоевский превосходит его по глубине духовных прозрений. Писатели взаимно дополняют друг друга, отражая разные грани бытия.

Из литературно-критических отзывов о писателях-современниках заслуживают внимания *статьи Зайцева о И.А. Бунине*: «Бунин увенчан» (1933), «Бунин: Речь на чествовании писателя 26 ноября 1933 г.», «Перечитывая Бунина» (1967). В данной части диссертации предметом исследования являются не мемуарные произведения, запечатлевшие облик Бунина-человека, а литературно-критические суждения о творчестве этого писателя, которого Зайцев считал представителем «чистого искусства», «олимпийцем», наследником Пушкина и Тютчева. В соответствии с этим взглядом, критик неправоммерно преуменьшил социальный пафос творчества писателя и значение «крестьянской» темы, противопоставив ей глубокое философское содержание произведений с «азиатской нотой». Несмотря на односторонность своей трактовки, Зайцев заметил такие стороны творчества и мировоззрения Бунина, которые стали объектом

научного изучения лишь с 1970-х гг.: новаторство поэтики повести «Деревня», своеобразие художественной памяти в «Жизни Арсеньева», мифологизм бунинского творчества, интерес к религиям Востока, ветхозаветность.

Таким образом, жанр литературно-критической статьи занимает важное место в жанровой системе творчества Зайцева. В статьях о русских писателях XIX и XX вв. не только даны оценки конкретных фактов литературного процесса, но также нашли отражение принципы работы Зайцева с художественными и документальными текстами, впоследствии использованные в биографиях писателей. Ступенью в движении Зайцева от литературной критики к жанру художественной биографии является *биографический очерк, которому посвящен § 1.4.*

К биографическим очеркам относятся три произведения: «Данте и его поэма» (1922), «Тютчев. Жизнь и судьба» (1949), «Н.С. Лесков» (1931). Обращение Зайцева к этому жанру закономерно: он был убежден в непосредственной связи личности и творчества писателя; его интересовал внутренний мир индивидуальности («облик»), который определялся фактами биографии («жизнью») и, в свою очередь, влиял на биографию, превращая жизнь в «судьбу». «Облик», «жизнь» и «судьба» писателя – ключевые понятия в литературной критике Зайцева.

Специфика биографических очерков и их отличие от статьи или силуэта заключается в следующем: 1) при создании биографического очерка автор обращается к книжным источникам для сбора фактов биографии; 2) биографический очерк содержит характеристику всей жизни писателя – от рождения до смерти, а также обзор творческого пути в хронологической последовательности; 3) выделение этапов в жизни и творчестве писателя отражается, как правило, в композиционном членении очерка на главки. В очерке «Данте и его поэма» Зайцев впервые применил прием реконструкции, который впоследствии использовался им в художественных биографиях. Опираясь на известные жизнеописания Данте, Зайцев сталкивал мнения различных авторов и присоединялся к наиболее убедительным, выражая свои предположения в форме вопросов или при помощи модальных слов. Стремление автора нагляднее воссоздать образ эпохи привело к включению художественных фрагментов (например, описание средневековой Флоренции). Своеобразие зайцевских биографических очерков состоит в том, что они имеют и познавательное и эстетическое значение и являются мостом между жанрами статьи и художественной биографии, к которой они приближаются по структуре.

В целом литературная критика Зайцева внутренне связана с его художественным творчеством. В ней прямо сформулированы оценки жизненных и литературных явлений, которые обрели эстетическое воплощение в художественных произведениях. Некоторые литературно-критические жанры послужили источником для художественно-документальных жанров художественной биографии и литературного портрета, которые анализируются в последующих главах диссертации.

Вторая глава диссертации «Жанр художественной биографии в творчестве Б.К. Зайцева» состоит из шести параграфов.

В §2.1. дан очерк бытования и изучения этого жанра. Хотя жизнеписание существовало еще в древней литературе, возникновение жанра художественной (или «беллетризованной») биографии обычно связывают с творчеством Л.Стрейчи и А.Моруа. Новую биографию отличает интерес к частной жизни выдающихся личностей и перевес художественного начала над познавательным (при отсутствии вымысла). Советская критика разделяла жанры «историко-биографического романа» (применявшего вымысел для создания обобщенно-типических образов и выдвигавшего на первый план изображение историко-культурной эпохи) и «беллетризованной биографии», в центре которой – частная жизнь отдельного человека, его индивидуальная психология. Писатели За рубежом подчеркивали свою ориентацию на вторую традицию.

Теоретической основой этой главы послужило, прежде всего, исследование А. Шилиевой, сформулировавшей (с опорой на разработки А. Моруа) обязательные черты жанра:

1. Беллетризованная биография преследует не только познавательные, но и эстетические цели.
2. Она должна включать документы, причем от биографа требуется объективность в их подборе и интерпретации.
3. Беллетризованная биография не допускает вымысла, но дает право на личное видение героя писателем.
4. Образ героя биографии воссоздается путем постепенного раскрытия его психологического облика и прослеживания его духовного развития, чему способствует хронологический порядок изложения событий.
5. Биография может заключать моральный урок (эта черта наследуется художественной биографией от агиографической литературы).

Закономерному вопросу о соотношении художественной биографии с житием посвящен § 2.2, в котором охарактеризован первый опыт Зайцева в жанре

биографии – *«Преподобный Сергей Радонежский» (1925)*. Данное произведение подробно проанализировано в работах О.А. Кашпур, А.М. Любомудрова, Н.И. Пак, Л.А.Трубиной, А.А. Шайкина, А. Шилиевой и др., поэтому в настоящей диссертации рассматриваются только особенности его жанровой поэтики.

Принципиальное отличие жития от биографии лежит в сфере изображения человека: если в биографии раскрывается становление и развитие личности в ее взаимодействии с окружающим миром, то в житии не может быть движения, роста, становления характера, поскольку герой отличается изначальной «заданностью»; героем жития может быть только канонизированный святой.

В Русском зарубежье в произведениях Зайцева о Сергии Радонежском, В.Ильина о Серафиме Саровском, Г.Федотова о митрополите Филиппе был создан новый тип «современного жития», в котором на первый план выдвинулась живая человеческая личность. И если произведение Федотова отличает приоритетный интерес к вопросам истории, Ильина – религии, то книга Зайцева о Преп. Сергии является художественно-психологической по преимуществу.

Зайцев создал свое произведение, опираясь на эстетику нового времени. Это проявилось в следующих чертах: 1) автор стремится достоверно воссоздать ушедшую эпоху (бытовой фон, типические детали); 2) созданной Зайцевым биографии присущ психологизм в изображении человека, особенно главного героя; 3) чудеса описаны не как реальный факт, а как содержание предания. *«Преподобный Сергей Радонежский»* – произведение в жанре художественной биографии, но в особой его разновидности – «агиобиографии», сохранившей типологическую связь с житийной традицией. Другая разновидность представлена в творчестве Зайцева биографиями русских писателей XIX в.

В §2.3. дан обзор критической и научной литературы о художественных биографиях Зайцева «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954) и обозначены общие для этих произведений черты. В обширном корпусе трудов, включающем как критические отзывы и научные работы Зарубежья (Н.Андреева, П. Бицилли, Л. Ржевского, Ф. Степуна, Г. Струве, А. Шилиевой и др.), так и статьи и диссертационные исследования отечественных литературоведов 1980–2000-х годов (О.В.Дефье, Н.Н.Жуковой, Н.И.Завгородней, О.А.Кашпур, И.А.Минаевой, Л.Н.Назаровой и др.), были обозначены основные проблемы изучения этих произведений Зайцева. Уже первые рецензенты заметили, что Зайцев обратился к жизни и творчеству писателей «пушкинской линии», к которой сам принадлежал. Все три писателя в интерпретации автора приобретают черты, присущие героям его художественных произведений: им

свойственна «внутренняя прохлада», «душевная разреженность», «несемейственность», они одинокие странники и созерцатели.

Типологически биографии, созданные Зайцевым, могут быть охарактеризованы как «художественно-психологические» – в отличие от научных, историографических или использующих вымысел биографических романов. В произведениях Зайцева проявились типические черты жанра беллетризованной биографии, прежде всего – отсутствие вымысла и акцент на «внутренней» жизни героя; соблюдены и формальные признаки биографии: изображение жизни человека от рождения до смерти, построение повествования по хронологическому принципу, композиционное членение на главы в соответствии с основными периодами жизни героя.

Л. Ржевский назвал примененный в биографиях метод «реконструкцией» образа на основе документа, А. Шиляева проанализировала способы использования документальных источников и охарактеризовала поэтику книг Зайцева как импрессионистическую. Все литературоведы отметили, что главной задачей Зайцева в художественных биографиях писателей было исследование духовного мира личности. Г. Струве определил подход писателя к изучению личности как «вчувствование» в его творчество (современные исследователи предлагают термин «эмпатия»). Таким образом, погружение в мир писателя и реконструкция его облика осуществлялась теми же приемами, что и в жанре литературного силуэта.

Герои биографий изображены на фоне социально-бытовой среды и «истории», но Зайцев разделяет бытие человека на «внешнее» (события) и «внутреннее» (рост души) и отдает предпочтение исследованию последнего. В психическом мире личности автора интересует наиболее скрытое, бессознательное («ночная» сторона души), поэтому в биографиях доминируют три основные темы: жизнь сердца, явные или скрытые религиозные настроения, подсознательные основы творчества (эта особенность присуща и литературной критике Зайцева). Такой подход характерен для XX в. с его теориями об интуитивистской природе творчества и интересом к подсознательному.

В соответствии с новыми психологическими концепциями, Зайцев искал истоки формирования личности в детстве человека. Во всех трех биографиях особое внимание уделено детству будущих писателей, отношениям внутри семьи, домашнему воспитанию. По мысли Зайцева, заложенные в ранние годы основы духовного мира впоследствии могли заслоняться идейными наслоения-

ми, что приводило к внутренней раздвоенности: сознательно избранная позиция вступала в противоречие с подсознательными устремлениями.

Биография писателя, как правило, включает и литературно- критический компонент. Зайцев не дает развернутых характеристик произведений, только общие оценки, которые соответствуют оценкам, сформулированным им в литературно-критических статьях. Зайцев трактует творчество писателя как бессознательное отражение движений души, поэтому часто вскрывает автобиографизм творчества. Произведения, устремленные к «внешней» стороне жизни (социальным или идеологическим проблемам), Зайцев оценивает сдержанно, иногда в повышенно эмоциональном, публицистическом ключе. Публицистичность проявилась в тех фрагментах, где автор рассуждает о революционном преобразовании жизни и о назначении искусства.

В последующих параграфах (§ 2.4–2.6) проведен анализ трех художественных биографий Зайцева.

«Жизнь Тургенева» представляет собой полное жизнеописание Тургенева, основанное на документальных материалах. Своеобразие произведения определено отбором фактов, их компоновкой и оценкой, которые, в свою очередь были продиктованы авторской концепцией тургеневского творчества, первоначально изложенной в юбилейной статье-силуэте «О Тургеневе» (1918). Poleмичность критической позиции Зайцева привела к тому, что Тургенев в его изображении – «двуликий Янус»: не только писатель-общественник, летописец своей эпохи, но, прежде всего, несчастный, ранимый человек, «чистый художник».

В книге обозначен историко-культурный фон жизни и творчества Тургенева, но в центр выдвинут его человеческий облик. Уже из названий глав видно, что события внешней жизни Тургенева интересуют Зайцева лишь в той мере, в какой они имеют значение для внутренней, душевной биографии. Уравнены в правах «шестидесятые годы» и «Виардо», «Савина», «слава» и «судьба».

Значимое место в книге отведено теме любви в жизни Тургенева. Опираясь на конкретные факты биографии писателя, Зайцев дает свою интерпретацию тургеньевского «эротизма», проявившегося в творчестве. По мнению автора, жизнь Тургенева прошла под знаком власти Эроса, но плотское и духовное начало в любви – «Афродита-Пандемос» (Простонародная) и «Афродита-Урания» (Небесная) – оказались роковым образом разделены. На примере женских образов прослеживается один из способов беллетризации документального произведения: создание при помощи историко-культурных реминисценций мифопо-

этического подтекста. Так, Полина Виардо изображена в окружении мифологических и литературных ассоциаций: она Дульцинея, Кармен, блоковская «Снежная маска», а также сирена, Цирцея, сфинкс и т.д. В результате в «Жизни Тургенева» формируется характерный для символистов мотив сакрализации женственности, но не в форме культа Вечной Женственности, а в противоположной ему форме культа демонического женского начала.

Подчиненность Тургенева магической власти женщины Зайцев напрямую связывает с особенностями мировоззрения писателя, а именно – с отсутствием религиозной веры и суеверным страхом перед неведомым.

Творчество писателя Зайцев рассматривает как отражение его внутренних переживаний. В основе целостного взгляда – противопоставление романного творчества Тургенева его повестям, рассказам и поэмам, причем суждениям Зайцева о конкретных произведениях присуща скрытая полемичность. Так, например, «Записки охотника» рассматриваются как поэтичные очерки, лишённые публицистического звучания, романы оцениваются сдержанно – из-за их заостренной социальной проблематики, наиболее высоко ставятся рассказы и повести о любви, а также предсмертные горькие и «мистические» произведения («Песнь торжествующей любви», «Клара Милич»). Особое внимание Зайцев уделяет тем произведениям, в которых Тургенев, вопреки своему безверию, создал образы героев, обретших опору в христианстве (Лиза Калитина из «Дворянского гнезда», Лукерья из рассказа «Живые мощи»).

Данная Зайцевым в биографии интерпретация личности и творчества Тургенева многим казалась субъективной. Однако «Жизнь Тургенева» – не научно-исследовательская монография, а художественно-документальное произведение. Кроме того, отношение Зайцева к Тургеневу не было случайным, оно сложилось задолго до начала работы над жизнеописанием в контексте идей философско-эстетической критики рубежа веков.

Отразившаяся в жизнеописании психологическая концепция личности художника, основанная на утверждении прямой связи между эмоциональным миром писателя и его творчеством, а также повышенный интерес к нравственно-религиозному миру человека, послужили основой и для других писательских биографий Зайцева.

Основными источниками биографии *Жуковского* стало исследование А.Н.Веселовского «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (1904) и книга первого биографа поэта К.К. Зейдлица «Жизнь и поэзия В.А. Жуковского» (1883). Композиционно биография Жуковского строится так

же, как и жизнеописание Тургенева: изображает жизнь героя от рождения до кончины и делится на главы, соответствующие этапам духовного становления индивидуальности. Концепция образа Жуковского определена представлением о религиозном мироощущении писателя, в основе которого – смирение и вера в Божий Промысел.

Так же как в «Жизни Тургенева» Зайцев уделяет необходимое внимание историческому фону (Отечественная война 1812 года, восстание 14 декабря), но с самого начала повествования Жуковский предстает поэтом, отрешенным от «свалки истории», как Ивик из собственной баллады. Зайцев утверждает приоритет нравственного усилия, а не революционных преобразований действительности. Он отмечает, что Жуковский занимал отнюдь не пассивную позицию в обществе, но его деятельность была направлена в русло воспитания и просвещения. Это выразилось и в его редакторской работе в «Вестнике Европы», и в педагогической деятельности наставника и учителя членов царской семьи. При необходимости Жуковский проявлял гражданское мужество, например, после восстания 14 декабря «просил и ходатайствовал за недругов царя» (5, 283).

Отход от прямых сражений с действительностью роднит Жуковского и Тургенева. Зайцев объясняет это как сходством общественных позиций, так и свойствами темперамента, душевной «разреженностью» (5, 208). Сходство прослеживается и в отношении к любви: оба писателя через всю жизнь пронесли любовь к единственной избраннице. Но если для Тургенева объектом поклонения стала «демоническая» женщина (что соответствовало, по Зайцеву, тургеневской склонности к суеверию и отсутствию просветляющей веры в Бога), то избранница Жуковского Маша Протасова отвечала его христианскому идеалу. Зайцев прилагает к образу поэта собственное представление о Вечной Женственности, не противоречащее романтическому мирозерцанию Жуковского, сравнивает адресат его лирической поэзии с Беатриче Данте, Лаурой Петрарки, Девой Радужных ворот В. Соловьева, Прекрасной Дамой А. Блока.

Так же как в предыдущей биографии, исследование духовного мира Жуковского осуществляется через проникновение в его поэтический мир. Зайцев проводит мысль о существовании двух пластов наследия поэта: «внутреннего» (интимно-лирического) и «внешнего», к которому относятся отклики на современность, назидательная и сюжетная поэзия.

После смерти Маши писание Жуковского, утратившее «музыкальную и душевную пронзительность» (5, 326), стало отражением иного мирозерцания,

приближавшегося к религиозному. Хотя Жуковский, по словам Зайцева, «единственный кандидат в святые от литературы нашей» (5, 326), нельзя преувеличивать степень его религиозности. Будучи глубоко верующим человеком, как поэт он остался приверженцем романтической «религии сердца».

Жуковский – старший современник Пушкина и Гоголя, – по мысли Зайцева, в чем-то предвосхитил художественные открытия обоих писателей. В его поэзии присутствует гармоничное, «аполлиническое» начало, но в нравственном облике поэта доминируют черты, роднящие его с Гоголем: «Для Пушкина человек – поэзия. Для Жуковского – Бог и поэзия» (5, 296).

Христианские основы художественного творчества Зайцев показал и в биографии *Чехова*, вышедшей отдельным изданием в 1954 г. К этому времени Зайцев уже выработал приемы создания образа героя в жанре биографии. Писатель опирался на воспоминания современников о Чехове, а также его переписку и художественные произведения. Композиция жизнеописания традиционна: факты жизни изложены в хронологической последовательности, начиная с родословной героя и заканчивая рассказом о его смерти и погребении. В биографии воссоздан социально-бытовой фон жизни Чехова: изображены родители писателя, описан купеческий уклад в доме отца, охарактеризована обстановка раннего творчества писателя и его медицинская деятельность, нарисованы портреты представителей московской художественной богемы. Отдельная глава посвящена поездке Чехова на Сахалин.

Поэтика книги о Чехове отличается от биографий Тургенева и Жуковского: повествование более информативно, допускает цитацию документов прямо в тексте; пейзажные зарисовки и бытовые картины здесь малочисленны. В жизнеописании Чехова почти отсутствует общественно-исторический фон: он заменен образом поколения, к которому автор биографии причислял и себя. Отличие этой книги от других биографий обусловлено тем, что здесь присутствует мемуарное начало, поскольку Зайцев пишет о своем старшем современнике.

В центре внимания автора – образ живого Чехова, мир его чувств, его нравственная личность, но теме любви уделено мало внимания, основной интерес биографа сосредоточен на скрытой религиозности писателя. Автор биографии показал до конца не преодоленную двойственность личности писателя: в его изображении традиционно считавшийся атеистом «доктор Чехов» борется с Чеховым – художником и человеком, которому было свойственно неосознанное религиозное чувство.

В соответствии с этим Зайцев выстроил свою концепцию чеховского творчества, выделяя наиболее важные «вехи» творческого пути. Это произведения, во-первых, наиболее «поэтические» (то есть лишенные тенденции, назидательности), во-вторых, непосредственно отразившие глубинные начала личности художника, и, в-третьих, бессознательно религиозные. К этому ряду Зайцев отнес «Степь», «Скучную историю», в которой разглядел порыв героя и автора к религиозной вере, «Дуэль». Очень высоко Зайцев ценил рассказы «В овраге» и «Архиерей». Особое внимание уделено чеховской драматургии. Центральным произведением Чехова Зайцев считал «Чайку»: и потому что в ней отразились личные переживания автора (взаимоотношения с Л. Мизиновой), и потому что «Чайка» знаменовала начало новаторского чеховского театра, переход от бытописательского реализма к эстетике символизма. Пьесу «Три сестры» Зайцев не принимал из-за ее общественного пафоса, а в «Дяде Ване» увидел прославление скромных и смиренных. Концепция чеховского творчества, данная в биографии, соответствует взгляду Зайцева на литературу, сформулированному им в литературно-критических статьях. Отмеченная им религиозность Чехова отрицалась официальным советским литературоведением, а в наши дни стала предметом научных споров.

В художественных биографиях Зайцев творчески применил каноны жанра, сложившиеся в русской зарубежной литературе в 1930-е гг. Он реализовал собственную разновидность жанра – «психологизированную биографию» с преимущественным интересом к внутреннему миру изображаемого героя и подчеркнул религиозные основы мирозерцания и творчества русских классиков.

Третья глава диссертации «Мемуарные и автобиографические жанры в творчестве Б.К. Зайцева» состоит из двух обширных разделов, первый из которых посвящен жанрам мемуарного очерка и литературного портрета, второй – автобиографическому роману.

В §§ 3.1.1.–3.1.3. дается обзор научного изучения мемуаристики в целом (статьи Н. Бельчикова, Ц. Вольпе, А. Луначарского, диссертационные и монографические исследования А. Галича, Л. Гаранина, Л.Я. Гинзбург, Г. Елизаветиной, Т.М. Колядич, М. Кузнецова, В.М. Пискунова, А.Г. Тартаковского и др.), литературного портрета как самостоятельного жанра мемуарной прозы (работы В.С. Барахова, В.Я. Гречнева, Л. Жак и др.), литературного портрета в наследии Зайцева.

Основное свойство мемуаристики заключается в том, что в ней отсутствуют вымысел, а качество художественности рождается из отбора и компоновки

реальных фактов. В рамках мемуарной литературы существуют разнообразные жанровые формы: крупные мемуарные повествования, автобиографии, мемуарные очерки, литературные портреты.

В творчестве Зайцева первые произведения в жанрах мемуарного очерка и литературного портрета – «Мы, военные...» (1917) и «Леонид Андреев» (1919) – появляются почти одновременно, в эпоху войн и революций, что свидетельствует о закономерном вызревании интереса к художественно-документальным формам под влиянием социально- исторических событий. Впоследствии Зайцев создал несколько сотен произведений в этих жанрах. При наличии определенного концептуального и художественного единства они распадаются в жанровом отношении на несколько основных типов. Это собственно литературные портреты, лучшие образцы которых были включены в мемуарные циклы «Москва» (1939) и «Далекое» (1965); некрологи и близко примыкающие к ним очерки «памяти ушедших»; юбилейные статьи, посвященные годовщинам рождения или творческой деятельности; очерки с заглавием «Судьбы» (они, как правило, строятся на сопоставлении судеб и личностей двух людей); мемуарные очерки, содержащие «штрихи к портретам».

Жанр портрета родствен, но не тождествен мемуарному очерку: в мемуарном очерке объектом художественного исследования являются факты жизни автора в их многообразии, а также облик самого рассказчика. В литературном портрете жанровым объектом является личность одного из современников. В мемуарном очерке преобладают «общие», а в портрете – «крупные» планы изображения. Мемуарам Зайцева свойственен лиризм, что приводит иногда к открытому звучанию авторского голоса. Но более значимым является не прямое выражение авторской позиции, проявляющееся в отборе и оценке биографических фактов, композиции произведения, в выборе характеристических средств. Для иллюстрации мысли о том, что отношение автора к герою – это наиболее активная часть жанровой структуры литературного портрета, в §3.1.4. проводится сопоставительный анализ сходных в жанровом и тематическом плане произведений Б.К. Зайцева и М. Горького о Л.Н. Андрееве.

Специфика горьковского литературного портрета состоит в стремлении изобразить личность и творческую индивидуальность Андреева как нечто единое: автор подчеркивает умозрительное отношение Андреева к действительности, устремленность к темным сторонам бытия и «оскорбительной тайне смерти», его пессимизм. Творческий замысел Горького проявляется в подборе ху-

дожественных средств, в том числе в портретных описаниях, пейзаже, бытовых деталях – неизменно мрачных тонов.

В портрете, созданном Зайцевым, определяющей становится идея о несоответствии здоровых природных задатков Андреева его приверженности декадентскому искусству. Описания призваны подтвердить эту мысль. Артистичный Андреев запечатлен памятью мемуариста преимущественно в идиллическом подмосковном пейзаже. Перелом, произошедший в его жизни после смерти жены и сопровождавшийся переходом от жизнеутверждающих реалистических произведений к «схематичным» и пессимистическим, Зайцев воспринимал как знак упадка, отход писателя от своего юношеского образа.

Центральный параграф данного раздела 3.1.5 посвящен анализу циклов Зайцева «Москва» и «Далекое». Преимущественное внимание в разделе уделено литературному портрету. Созданные Зайцевым портреты имеют мемуарную основу. Им присуща свободная композиция, состоящая из фрагментов – импрессионистических зарисовок. Все портреты строятся по единой схеме: дается общее восприятие героя, описание его внешности, жилища, типичного поведения и образа жизни. Описания перемежаются динамическими эпизодами, сценами и завершаются авторскими размышлениями о герое, обобщенными характеристиками.

При анализе конкретных произведений выявляются эстетические возможности жанра. Литературный портрет может *типизировать единичные факты*. Например, Юлий Бунин представлен в очерке Зайцева как тип русского либерала, а его судьба рассматривается в ретроспективе как судьба всего русского либерализма, раздавленного хаосом истории. Портрет П. Янцева строится как *постепенное раскрытие личности героя*. Поэтому представитель богемы в итоге предстает перед читателем не только как человек благородный и бескомпромиссный, но и по-настоящему творческий и внутренне религиозный.

Зайцеву были близки личности творчески одаренные (Л. Андреев, И. Бунин, Ю. Айхенвальд), а также люди, религиозно настроенные и нравственно стойкие (Ю. Бунин, П. Янцев, Н. Бутова). В противоположность им изображены представители русского символизма, поддавшиеся соблазнам «лжеискусства»: А. Блок, А. Белый, К. Бальмонт. Блок представлен как выразитель «привлекательно- нездоровой» культуры декаданта, убитый эпохой, воспетой им самим. В портрете А. Белого акцентирована идея о ложности его эстетической программы жизнотворчества, Бальмонт изображается Зайцевым откровенно иронично.

Зайцев применяет широкий спектр *художественных средств* для воссоздания облика своих современников. Это различные способы характеристики: прямая (авторская), косвенная (ссылка на мнения других лиц – в портретах Л. Андреева, К. Мочульского), автохарактеристика (цитирование исповедальных фрагментов писем – в портретах Л. Андреева, П. Ярцева). Зайцеву всегда интересен пластический облик человека: его внешность, мимика, жесты, а также манера говорить. В описание внешности вводятся метафорические детали, связанные с оценкой внутреннего мира (например, глаза Ярцева, как бы «ушедшие в пещеры»). Характеристическое значение могут иметь детали интерьера и пейзажа: весенний подмосковный пейзаж в портрете Андреева соответствует светлым чертам природы писателя, а в портрете Блока «бледные ночи» Петербурга отражают болезненную атмосферу петербургской богемы. Устойчивым художественным приемом в мемуаристике Зайцева является включение историко-культурных реминисценций, придающих воспоминаниям «вечностную» перспективу (например, Бутова сравнивается с боярыней Морозовой, в портрете Блока присутствуют реминисценции из Данте, Метерлинка, Цветаевой).

Зайцев внес свой вклад в развитие литературного портрета. При опоре на сложившиеся каноны жанра, он сумел создать его неповторимые формы, в которых запечатлел свое видение эпохи.

В §3.1.7 анализируются произведения Зайцева в жанре некролога, который рассматривается как разновидность литературного портрета. Некролог является откликом на смерть человека и содержит подведение итогов его жизни и деятельности. В отличие от официального (информативного), художественному некрологу свойственна активизация авторского голоса (наличие мемуарных фрагментов, лиризм), включение описательной речи (портрет, интерьер, пейзаж) и образности (эпитетов, сравнений, метафор), введение историко-культурных реминисценций.

Тяготея к лаконизму, некролог представляет собой зерно возможного портрета («П.П. Потемкин»), с другой стороны, обнаженно раскрывая жанровую схему портрета («С.С. Юшкевич»). Художественно-композиционная цельность произведений Зайцева достигается лейтмотивным построением, когда в облике изображаемого человека выделяется одна ведущая черта: например, «впечатлительность» И.И.Тхоржевского или «метафизическая молодость» Б.Л. Пастернака. В отзыве Зайцева на кончину В.Г. Короленко «Тени благостной», благодаря введению библейских мотивов, писатель предстает в образе проповедника, пророка.

В целом некрологи, созданные Зайцевым, отличаются художественной выверенностью, последовательностью проведения основной мысли.

Второй раздел третьей главы посвящен жанру автобиографического романа в творчестве Б.К. Зайцева.

В § 3.2.1 рассмотрены современные концепции автобиографии и автобиографизма, обозначено место жанра автобиографии в мемуарной литературе. Автобиография (последовательное описание автором собственной жизни) – это пограничный жанр, близкий, но не тождественный мемуарам, дневнику, исповеди. Автобиография не только выделилась из мемуарной литературы, но и трансформировалась в жанры автобиографического романа и повести, которые пишутся по канве реальных жизненных фактов, но используют домысел и вымысел.

В русской литературе XIX–XX вв. традиция автобиографической повести и романа оказалась достаточно развитой (произведения С. Аксакова, Л. Толстого, Н. Гарина-Михайловского, М. Горького) и была продолжена в литературе Русского зарубежья (в творчестве И. Бунина, Зайцева, А. Куприна, А. Толстого). Зайцев создал в эмиграции четыре автобиографических романа под общим заглавием «Путешествие Глеба»: «Заря» (1937), «Тишина» (1948), «Юность» (1950), «Древо жизни» (1953). Положив в основу сюжета факты собственной биографии, писатель обобщил их и изобразил русскую жизнь с конца 1880-х до начала 1930-х гг.

Зайцев определил жанр своего произведения как «роман-хронику-поэму». Критики эмиграции (Г. Адамович, Н. Андреев, П. Бицилли, Г. Струве, А. Шилляева и др.) и отечественные литературоведы 1990–2000-х годов (Л.И. Бронская, В.Т. Захарова, В.Н. Конорева, Е.Н. Зайцев) отметили художественное новаторство писателя в области формы, прежде всего, сочетание эпичности и лиризма. Первые рецензенты увидели в произведении Зайцева сходство с «Жизнью Арсеньева» (Г. Струве) и преодоление толстовской традиции (Н. Андреев). Сегодня тетралогия Зайцева часто сопоставляют с «Жизнью Арсеньева» и характеризуют как «феноменологический роман» (Л.Н. Бараева). Однако поверхностное сравнение романа с традицией влечет неправомерные, на наш взгляд, выводы о его жанровой специфике. Поэтому в § 3.2.2 *предпринято рассмотрение тетралогии Зайцева «Путешествие Глеба» в контексте русской автобиографической прозы XIX – начала XX вв.*

Исследователи выделяют в русской автобиографической прозе две линии развития¹¹. Первая предлагает читателю «автобиографию- результат», когда автор сознательно анализирует свое прошлое, накладывая на него более позднее понимание прожитой жизни. Центральная проблема в автобиографиях этого типа – взаимодействие личности и среды (бытовой, социальной, культурной). К этой традиции принадлежит большинство автобиографических произведений XIX в. Вторая линия характеризуется сосредоточенностью на самом процессе воспоминаний, который сопряжен с процессом самопознания и осуществляется вместе с созданием текста, а не предшествует ему. В прозе XIX в. к этой линии относится роман К.Леонтьева «Подлипки», а в XX в. – «Котик Летаев» А. Белого, автобиографические романы В.Набокова, «Жизнь Арсеньева» Бунина.

Что касается феноменологического принципа поэтики, то он определяется как слияние объективного изображения действительности с изображением восприятия этой действительности субъектом¹². В романе Бунина такому принципу соответствует повествование от первого лица, нарушение хронологической последовательности в воспроизведении событий жизни героя, отсутствие «хронологических» обозначений (например, «младенчество», «детство» и т.д.) для отдельных главок композиции.

Но в «Путешествии Глеба» Зайцева можно найти черты, приближающие произведение к традиции Толстого и отсутствующие у Бунина. Сама композиция тетралогии, в основе которой – деление человеческой жизни на четыре фазы, соотносима с замыслом Толстого. Романы цикла имеют заглавия, прямо или метафорически называющие различные периоды человеческого развития: «Заря» (детство), «Тишина» (отрочество), «Юность», «Древо жизни» (молодость). В построении сюжета Зайцев строго придерживается хронологической последовательности изложения событий, что приближает его произведение к наиболее традиционному в рамках автобиографической прозы жанру «хроники».

В § 3.2.3 *предпринят анализ тетралогии «Путешествие Глеба»*. Поскольку автобиография – жанр, ориентированный на внетекстовую действительность, а автор произведения одновременно является и его героем, то в отношении автобиографии особенно актуальны две проблемы: проблема факта и проблема автора.

¹¹ См.: Аверин Б.В. Романы В.В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы и поэзии: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1999.

¹² См.: Мальцев Ю. И. Бунин. 1870–1953. М.; Франкфурт. 1994. С.111–115, 305.

Хотя Зайцев изобразил в «Путешествии Глеба» основные этапы собственной судьбы, в романах есть немало отступлений от факта. Изменены имена всех прототипов, начиная с центрального героя, который назван Глебом; многие факты переосмыслены, опущены некоторые события и целые периоды жизни, которые были бы принципиальны для автобиографии, имеющей познавательное значение; присутствуют вымышленные персонажи и события. Зайцев не только тщательно отбирает и перестраивает факты в соответствии с художественным замыслом, но и типизирует, обобщает их (иногда до уровня образа-символа), и наполняет нравственно-философским содержанием.

Так, символическое значение имеют вымышленные имена (особенно имя главного героя Глеба, вокруг которого возникает целое ассоциативное поле, связанное с русской культурой и религиозностью). Символически значимым представляется мотив путешествия, имеющий как прямое (пространственное), так и переносное (временное) значение: жизнь человека представлена как путь в пространстве и времени. В создании образа жизненного странствия включены отдельные образы и лейтмотивы (например, образ Ноева ковчега, спасающегося Божьим Провидением от гибели в хаосе действительности). Символика путешествия, странствия тесно связана с зайцевской концепцией человека как странника, путника.

Писатель стремился создать не образ конкретного человека, а типический образ представителя своей страны и своего поколения, возвращенного определенным жизненным укладом. Зайцев часто подчеркивает обыкновенность Глеба, называет его «отрок русский», одновременно утверждая право каждой личности отстаивать индивидуальную неповторимость своего внутреннего мира. Авторская позиция определяется, с одной стороны, пристальным вниманием к мыслям и переживаниям Глеба, с другой – стремлением соотнести незаметную жизнь с судьбами общества, страны, Вселенной. Поэтому в романе появляются авторские отступления, создающие образ России конца XIX в. Их можно условно разделить на два типа: «публицистические» (посвященные социально-культурной жизни, представителям того или иного социального слоя) и «поэтические» (в которых возникает обобщенно-поэтический образ Руси).

Итак, проблема факта решается в тетралогии в соответствии с художественной сверхзадачей: единичные факты собственной жизни отбираются Зайцевым и возводятся до уровня общего и типического. Для уяснения позиции автора-повествователя в диссертации предпринят анализ повествовательной структуры произведения в свете положений современной нарратологии и с опорой на

выработанную Б.А. Успенским концепцию «точки зрения» героя и повествователя.

В автобиографическом романе автор-повествователь и герой – одно и то же лицо, но на разных этапах жизни, они разведены в пространственно-временном и психологическом отношениях. В тетралогии Зайцева повествование ведется от третьего лица, при этом «точка зрения» нарратора «скользит» между автором-повествователем, героем и другими персонажами.

В романах «Заря» и «Тишина» перемежаются точки зрения автора, объективно сообщающего о происходящих событиях, и героя, непосредственно переживающего их. Фрагменты, передающие восприятие героя-ребенка, импрессионистичны и в наибольшей степени соответствуют «феноменологическому принципу» поэтики. Но повествование переходит к «объективному» автору уже в пределах одного текстового отрывка. Феноменологический принцип не проводится последовательно на протяжении всего текста, что свидетельствует против отнесения «Путешествия Глеба» к жанру феноменологического романа.

В диссертации анализируются конкретные средства выражения точек зрения героя и автора. Точка зрения *героя* может иметь выражение *пространственно-временное* (когда автор описывает то, что в данный момент видит Глеб) и *фразеологическое* (посредством внутреннего монолога). Точка зрения *автора* может иметь *фразеологическое* выражение (когда повествователь нарочито отстраненно описывает ощущения Глеба, сопровождая описания словами «так кажется ему», или комментируя происходящее при помощи слов: «если бы Глеб был старше...» и т.п.) Для объективного автора характерна особая *пространственно-временная* точка зрения – «над» создаваемым миром. Пространственная «вездесущность» повествователя (позволяющая описывать явления, находящиеся вне поля зрения героя) сопряжена с временной дистанцией, отделяющей его от изображаемого мира и дающей возможность сообщать сведения о давно прошедших временах. Особо нужно отметить «предзнание» автора о судьбе героя и всей страны, которое играет важную композиционную роль, связывая воедино все четыре романа цикла и придавая повествованию трагическую окраску. Автор обладает другим *нравственно-психологическим и религиозным* опытом, что выражается в не характерной для ребенка оценке поступков и явлений (такова, например, резко отрицательная оценка охотничьих пристрастий Глеба).

В целом, в романах «Заря» и «Тишина» постоянно ощущается «ззор» между восприятием автора и персонажа-ребенка, не осознающего до конца смыс-

ла происходящего, а авторская точка зрения почти все время сопровождает главного героя. Структура повествования меняется в последующих произведениях цикла. В романе «Юность», где речь идет о социализации героя, точка зрения автора нередко «отрывается» от Глеба, переносясь в разные уголки России, часто вводится речь других персонажей – не только отдельные реплики и диалоги, но и развернутые монологи. В романе «Древо жизни» почти отсутствуют импрессионистические зарисовки, которыми изобилует «Заря». В романе часто звучат чужие голоса (рассказы персонажей, их письма, которые можно рассматривать как вставные новеллы, обладающие самостоятельным сюжетом). Принципиальное отличие имеет временная организация повествования: если в предшествующих произведениях цикла автор «забегал вперед», намекая на грядущие изменения в судьбах героев, то в последнем романе повествование ориентировано на прошлое. Композиция тетралогии оказывается кольцевой, эпизоды, которые в первых романах цикла воспринимались как простые факты, в последнем романе раскрывают свое символическое значение, вся жизнь человека приобретает высший смысл.

Это еще раз доказывает, что Зайцев стремился не просто запечатлеть события собственной жизни, но создать художественное произведение в жанре автобиографического романа. Зайцев творчески применил традиционную форму, одновременно усвоив художественные открытия XX века, в частности, элементы импрессионистического стиля и феноменологической поэтики.

В четвертой главе «Жанр путевого очерка в наследии Б.К. Зайцева» анализируются циклы «Италия» (1923), «Прованс» (1925–28), «Афон» (1928) и «Валаам» (1936).

В §4.1. дается обзор научных работ о специфике очеркового жанра (Н.И. Глушкова, Е. Журбиной, В. Канторовича, Б.О. Костелянца, А.Г. Цейтлина) и о путевых очерках Зайцева (Е.В. Воропаевой, Н.Б. Глушковой, Н.П. Комоловой, А.М. Любомудрова, Н.И. Пак, А. Романович и др.).

Исследователи доказали, что в своих путевых очерках Зайцев средствами новейшей литературы обновляет древнерусский жанр паломнических хождений. Но, обращаясь к древним формам, писатель выразил взгляды современного светского человека, носителя секулярной культуры. По мнению Н.Б. Глушковой, жанр хождений не был утрачен в XX в., но трансформировался и развивался в трех направлениях: культурологическом («Тень птицы» И. Бунина, «Образы Италии» П. Муратова, «Италия» Зайцева), религиозно-православном («Афон» и «Валаам» Зайцева, «Старый Валаам» И. Шмелева) и публицистическом («Пу-

тешестве в Палестину» А. Ладинского)¹³. Произведения этого жанра сохранили традиционную символику пространственного и временного пути паломника, а также приемы повествования (сочетание непосредственных впечатлений автора и воссоздание фактов прошлого на основе книжных источников).

Во всех путевых циклах Зайцева проявились черты «культурологического хождения» нового времени: приоритетный интерес к произведениям искусства, стремление постичь историю духовной культуры той или иной страны. В циклах «Италия» и «Прованс» эта целевая установка является доминирующей, но даже в описаниях монастырей Афона и Валаама она не заслоняется религиозными раздумьями автора, хотя и отодвигается на второй план.

В §4.2 исследуется образ Италии в путевых очерках Б.К. Зайцева. Зайцев неоднократно бывал в этой стране, был знатоком и поклонником ее искусства. Его восприятие Италии соответствовало мифу об Италии, восходящему к романтикам и Гоголю, Стендалю и Гете и культивировавшемуся русской интеллектуальной элитой рубежа веков. Зайцеву оказались близки и историософские идеи, высказанные представителями русской культуры Серебряного века: Н. Бердяевым, Д. Мережковским, В. Эрном, в частности, двойственная оценка итальянского Высокого Возрождения как исторической встречи язычества и христианства.

Цикл «Италия» (1923), несмотря на импрессионистическую отрывочность повествования, обладает продуманной композицией, которая не только отражает маршрут путешествия автора, но обусловлена последовательно проведенной культурологической концепцией. Ее основу составляет мысль об извечной борьбе двух типов существования: духовного и бездуховного. Первый тип порождает искусство, культуру, религию и преодолевает конечность материального бытия. Бездуховная жизнь вязнет в плоти бытия и, даже создавая прекрасные вещи (наряды, украшения), остается в рамках бренного, смертного. Описывая итальянские города, Зайцев как будто оценивает степень духовности каждого из них, опираясь на свои впечатления от быта, архитектуры, произведений искусства, привлекая свои знания по истории страны и ее культуры. Даже природа вовлечена в создание образа каждого города и также подвергается оценке.

Так, первый очерк цикла рисует пышный образ Венеции, «златоволосой царицы», обрученной с морем. Сущность Венеции – тяга к празднеству и роскоши – породила в ее искусстве обилие прикладных произведений. Но они

¹³ См.: Глушкова Н.Б. Паломнические «хождения» Б.К. Зайцева: Особенности жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. С.14–15.

бренны, поэтому город оказывается «двуликим», «радостно-скорбным». В описании Генуи доминирует мысль о преклонении жителей этого портового города перед «золотым цехином», поэтому в нем мало храмов, а главной достопримечательностью является огромное кладбище. Противоположностью этому городу выступает любимая автором, «вечная и мудрая» Флоренция, в искусстве которой происходит слияние античной гармоничности и христианства. Вечный Рим становится связующим звеном между эпохами язычества и христианства, достигнув вершин как в государственном и церковном строительстве, так и в искусстве, особенно в эпоху Ренессанса. Само искусство Ренессанса интерпретировано как «полуязыческое», что отразилось в трактовке творчества двух его гениев: Микеланджело и Рафаэля. Завершается книга главой об Ассизи – городе св. Франциска. Так в расположении глав книги отражается представление автора о направлении историко-культурного развития Европы.

В §4.3 впервые анализируется цикл Зайцева «Прованс». Под таким заглавием в 1925–1928 гг. в разных изданиях эмиграции было напечатано шесть очерков. Впоследствии Зайцев не переиздавал их и не упоминал о них как о художественном целом, цикл не получил критической оценки и, вероятно, поэтому остался за пределами внимания читателей и исследователей. Между тем, «Прованс» можно рассматривать как образец культурологического путевого цикла. Внимание автора направлено не только на красочную природу южной Франции, но и на ее историю, памятники культуры. Непосредственные впечатления автора соседствуют с историческими справками и размышлениями о судьбе французского государства, общества, церкви, искусства. Композиционная продуманность наряду с лирическим присутствием автора, красочные описания с введением символически значимых деталей (плющ как символ забвения), наличие историко-культурных реминисценций (например, образы Данте) выводят цикл в разряд завершеного художественного произведения.

Культуроведческий подход присущ и тем путевым очеркам Зайцева, которые описывают паломнические поездки к монастырям.

§4.4 посвящен книгам паломнических «хожений» «Афон» и «Валаам».

Критики и литературоведы, писавшие об «Афоне» (Г.В.Адамович, Г.Л.Федотов, Е.В.Воропаева, Н.Б.Глушкова, Н.И.Пак, А.М.Любомудров), отмечали, что писатель запечатлел преимущественно эстетическую сторону святынь. Поэтому наряду с чертами паломнического хождения в произведении присутствуют черты хождения культурологического.

Создание книги «Афон» проходило в три этапа: первоначальный сбор материала, создание газетных очерков-корреспонденций о путешествии и, наконец, приведение отрывочных впечатлений к концептуальному единству. Замысел книги проясняется при исследовании ее творческой истории на основе сопоставления с перепиской и путевым дневником Зайцева¹⁴. Благодаря изучению документальных текстов можно уточнить факты, положенные в основу произведения, установить круг использованных автором печатных источников, проследить направление художественной переработки фактического материала.

Афонский дневник Зайцева не только содержит подневные записи, но имеет черты записной книжки писателя, куда целенаправленно заносился материал для будущего произведения: личные наблюдения, заметки по этнографии монастырей, выписки из книг. Содержание выписок включает историю Афонского полуострова и отдельных монастырей, жития Афонских святых, описание некоторых монастырских традиций. Однако заимствованное из книг впоследствии было сокращено или перенесено в примечания: при сборе материала для будущего произведения Зайцев отдавал приоритет непосредственным впечатлениям. В изучении писателем Афона прослеживается несколько уровней: этнографический, историко-культурный, социально-психологический, духовно-религиозный.

В центре очеркового цикла Зайцева – изображение греческих и русских монастырей, причем с особым сочувствием автор писал о русских обителях, подчеркивая их бедность и скромность. Уделяя должное внимание монастырскому быту и хозяйству, Зайцев стремился преимущественно показать «духовное хозяйство» (службы, послушания, молитвы, колокольный звон и другие ритуалы). Возможно, поэтому в окончательный текст книги не вошли слишком «бытовые» описания лесопилки и огорода в монастыре св. Пантелеймона. Иными в книге Зайцева предстают греческие монастыри: они богаче, «артистичнее» и имеют черты нерусского мира. Лавра св. Афанасия в восприятии Зайцева – «Византия и Восток», Пантократор напомнил о европейском Возрождении, поскольку сохранил фрески Панселина – «византийского Рафаэля», а Ватопед, освоивший блага современной цивилизации, по мнению Зайцева, «несет легкий налет запада». Но за внешней благоустроенностью и богатством автору видится отход от идеалов православной аскетики.

¹⁴ Зайцев Б.К. «Афон». Дневник // РГАЛИ. Ф.1623. Оп.1. Ед.хр.8. 53 л.

Проявляя культурологический интерес к архитектуре, живописи и прикладному искусству монастырей, Зайцев уделил особое внимание людям Афона. Интереснейшие фрагменты в записной книжке – это зарисовки афонских типов. Некоторые записи перешли в окончательный текст почти дословно, другие подверглись художественной переработке, облику монахов были приданы иконописные черты. При этом каждый характер индивидуализирован, изображен реалистично и психологически объемно.

Изучая быт и поведение монахов, Зайцев стремился осмыслить феномен подвижнического служения. Писатель отметил, что оно требует жертв, к которым человек современной цивилизации не готов (отсутствие бытовых удобств, моральные испытания). Стараясь полнее постичь афонский мир, Зайцев не смог преодолеть взгляд на него «со стороны». Однако читателям будущих очерков об Афоне автор показал картину, очищенную от «случайных черт». Поэтому он не включил в книгу фрагменты и детали, призмляющие образ Афона – «Земного Удела Богоматери», а также созданные для газеты очерки, описывающие морское странствие к Афону и увиденные по дороге греческие города. Эти очерки, подчеркнута злободневные и публицистичные, не соответствовали возвышенному духу книги. Зайцев постарался проиллюстрировать главную мысль произведения об Афоне: «Здесь самую жизнь обращают в священную поэму» (7, 97).

Путешествие на Валаам (принадлежавший в те годы Финляндии) было воспринято Зайцевым очень эмоционально, поскольку остров напомнил писателю покинутую Россию. В книге *«Валаам» (1936)* есть структурное сходство с «Афоном»: композиция цикла характерна для путевых очерков (так как отражает преимущественно пространственные координаты путешествия) и традиционна для хождения (фиксирует этапы знакомства странника со святым местом). Принципиальное отличие двух циклов обусловлено позицией автора: если в «Афоне» главной интенцией было изучение незнакомой среды, то Валаам сразу был воспринят как «свое», узнаваемое. Остров сравнивается с раем; несмотря на трудности природной и монастырской жизни, он становится местом умиротворения даже для иностранных туристов, которые с готовностью отказываются от благ цивилизации во имя соединения с духом святости. Поскольку мир Валаама не нуждается в изучении, подобно афонскому, в книге уменьшается удельный вес справочного материала, в тексте отсутствуют примечания, мало внимания уделено искусству Валаама, большинство исторических и агрографических фактов упоминаются вскользь (исключение составляет вставка «Алек-

сандр на Валааме», где император Александре I предстает в непривычном облике смиренного паломника). Сходство двух путевых циклов – в открытом интересе к людям, насельникам монастырей.

В цикле «Валаам» изменяется образ автора, которому исследователи дают противоположные оценки. По мнению одних (П.Грибановский, Н.Б. Глушкова), в «Валааме» усиливается мотив воцерковленности автора, кульминацией книги является исповедь и причастие, что приближает произведение к традиции древнерусского хождения. Другие, напротив, отзываются об авторе как о «туристе». А.М. Любомудров высказывает предположение, что в «Валааме» образ «рассказчика» не совпадает с личностью писателя, автор сознательно создает образ повествователя – светского путешественника¹⁵. Это, на наш взгляд, свидетельствует о новых направлениях беллетризации данного жанра, документального в своей основе. «Озорной» облик автора призван передать читателю ощущение внутренней легкости паломника, прибывшего на Валаам и сразу ощутившего родственность окружающего мира собственной душе.

Итак, жанр путевого очерка в творчестве Зайцева претерпел эволюцию. «Италия» – это пример культуроведческого путевого цикла, отражающего авторское представление о культурном развитии Европы. В «Провансе» исследуются отдельные эпизоды истории и культуры Франции. Цикл «Афон» сочетает черты древнерусского жанра паломнического «хождения» и культурологического путевого очерка, в котором заметно выражено этнографическое начало, отразившее установку автора на изучение экзотической страны. В «Валааме» справочный материал практически отсутствует, задачей автора является не изучение, а воссоздание благодной атмосферы острова, чему служит специфический образ повествователя.

Пятая глава «Документальные формы в наследии Б.К. Зайцева» посвящена дневникам и письмам.

В §5.1. охарактеризованы документальные жанры словесности (письма, дневники, записные книжки), жанровая специфика которых обусловлена их прикладными функциями. Так, письма служат для коммуникации, дневники – как «памятка» для фиксации повседневных событий, тесно связанные с ними записные книжки писателей – как «памятка», рассчитанная на последующую творческую переработку. В творчестве писателя эти жанры могут обретать эстетическое значение и выступают важной составляющей жанровой системы.

¹⁵ Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. Зайцев, И. Шмелев. СПб., 2003. С.94–95.

Зайцев не вел ни дневников, ни записных книжек (за исключением «афонского дневника»), но тяга к дневниковым формам была сильна, что объясняется «автороцентричным», лирическим характером зайцевского дарования. Когда в личные духовные переживания писателя вторглась требующая осмысления история, в его творчестве появилась газетно-публицистическая разновидность дневника – «дневник писателя».

В §5.2. рассматриваются дневниковые формы в публицистическом творчестве Зайцева. Хотя Зайцев считал себя далеким от этой сферы словесного творчества, в эмиграции он создал три крупных публицистических цикла, написанных преимущественно в виде дневниковых записей: «Странник» (1925–1929), «Дневник писателя» (1929–1932) и «Дни» (1939–1972). Дневниковая форма стала наиболее адекватным выражением для лирико-философской публицистики Зайцева. Формально являясь откликами на злобу дня, эти произведения по своей внутренней сути исследуют связь духовности и повседневности. Эта часть наследия Зайцева до сих пор мало изучена. Исследователи, анализировавшие отдельные произведения этих циклов (А.М. Любомудров, Н.И. Пак, Т.М. Степанова и др.), оставили за пределами внимания *историко-литературный контекст и истоки проблематики публицистического творчества писателя (рассмотренные в §5.2.1).*

В публицистических произведениях Зайцева акцент сделан не на политике или идеологии, а на проблемах нравственности и культурной жизни современного общества. Центральной темой публицистики Зайцева является тема судьбы культуры, впервые заявленная в очерке «Удобное и прекрасное» (1914) и наиболее последовательно развитая в цикле «Странник». Истоки затронутых писателем проблем можно найти в социально-публицистическом контексте эпохи рубежа XIX–XX веков, породившей противопоставление понятий «цивилизация» и «культура». Культура стала трактоваться как результат духовной деятельности социума, а цивилизация – как совокупность материально-технических достижений, порождение западно-мещанского мира, ведущее к нивелированию личности. Идеи, сформулированные в русской публицистике в конце XIX в. Н. Данилевским, Ф. Достоевским, К. Леонтьевым, в XX в. актуализировались в связи с развитием индустриализма и появлением «технизированных» форм искусства и развивались Н. Бердяевым, Р. Ивановым-Разумником, Д. Мережковским, С. Булгаковым, в эмиграции – П. Муратовым, В. Вейдле. В диссертации дается характеристика отдельных публицистических и литературно-критических работ Леонтьева, Бердяева, Муратова, идейно и текстуально перекликающихся с произведениями Зайцева.

Подробно анализируется цикл очерков *«Странник»*, в котором нашли прямое выражение социальные, религиозные и нравственные искания писателя 1920-х годов. Этот художественно-публицистический цикл Зайцева облечен в форму дневника. Внешние приметы дневниковой прозы – принципиальная фрагментарность, повествование от первого лица, нарочитая субъективность, датировка отдельных записей. Поскольку тексты, тяготеющие к циклизации, скрепляются смысловыми повторами, проводится мотивный анализ цикла. Стержневая идея цикла – противопоставление жизни в духе жизни без духа. Центральное место занимает тема Парижа, который воплощает бездушную западноевропейскую цивилизацию. Ей противопоставлен образ России, хранящей в недрах своей православной культуры большой духовный потенциал. Размышления о судьбе родины приобретают у Зайцева характер утопического мессианизма, присущий концепциям почвенников, младосимволистов и их идейных последователей. Еще одна тема цикла – нравственный мир человека, борьба добра и зла в его душе, необходимость смирения («освобождения от себя») и самосовершенствования – раскрыта в русле христианской этики. Противопоставление нравственных и культурных ценностей преступным политическим играм является ведущей темой и других публицистических произведений Зайцева.

В §5.2.2 охарактеризован лирико-публицистический цикл «Дни», сложившийся из публикаций в газете «Русская мысль». После смерти писателя он был издан отдельной книгой в купе с дневниковыми заметками, частично печатавшимися до войны. Несмотря на общность заглавия и вопреки распространенному мнению исследователей, объединение дневника и очерков кажется не вполне оправданным. Обе части близки тематически и по образно-стилевому строю, обе являются образцом зайцевской лирико-исповедальной публицистики, но жанровая форма их различна.

Записи «Дни» остаются по форме дневником, сохраняя типологически значимые черты дневника: фрагментарность и наличие датировки отдельных фрагментов; свободную композицию внутри каждого фрагмента, определяемую исключительно ходом авторской мысли; предельную искренность автора в выражении своих чувств и переживаний. Интимный тон повествования подчеркивается введением отрывков в форме «письма к другу». Правда, эти записи делались автором не «для себя», в них прослеживаются черты публицистического текста: обращение к актуальным темам текущего момента, тематическое распределение фрагментов по разделам, элементы публицистического стиля. Автор предназначал свои записи широкому читателю.

Цикл газетных очерков «Дни» тематически соотносится со «Странником» и «Дневником писателя». В них доминирует тематика историко-культурная (в частности, факты литературного процесса), нравственно-религиозная (кротость и смирение как способы противостояния злу, покаяние, милосердие) и социально-философская (свободы и несвободы, России и Запада), что свидетельствует о преемственности различных этапов в творчестве писателя.

Жанровый состав цикла многообразен: он включает рецензии и литературно-критические статьи, мемуарные очерки и литературные портреты, а также собственно публицистические тексты, содержащие прямой отклик на текущие события; удельный вес дневниковых фрагментов невелик. Разнородные в жанровом отношении произведения «Дней» обладают внутренней завершенностью и независимы друг от друга, что позволило рассматривать их как образцы различных жанров и привлекать для анализа в различных главах диссертации.

В §5.3 дан обзор эпистолярного наследия Б.К.Зайцева и охарактеризован документальный жанр письма¹⁶.

При анализе переписки можно выделить несколько основных направлений изучения: 1) «эпистолярное поведение» автора, 2) информативная сторона писем, 3) их своеобразная «поэтика».

Зайцев относился к переписке как к явлению утилитарному; его письма носят деловой характер, в них, как правило, отсутствуют развернутые мировоззренческие декларации и художественные описания. Важнейшее значение писем – в их содержании. Хотя для эпистолярного жанра не характерно тематическое деление описываемого материала, в переписке Зайцева можно выделить семь смысловых пластов: 1) биографический (сведения о жизни писателя); 2) творческий (штрихи к творческой истории произведений); 3) мемуарный (портреты современников: Л. Андреева, К. Бальмонта, И. Бунина); 4) литературно-критический (отклики на произведения адресатов: Бунина, Зурова, Новикова, Чулкова, Шмелева, проясняющие эволюцию литературной позиции самого Зайцева); 5) мировоззренческий (раскрывающий религиозную позицию писателя); 6) публицистический (мнения Зайцева об истории и политике); 7) историко-культурный (хроника культурной жизни в России и Русском зарубежье).

Помимо информативной стороны, интерес представляет и своеобразная *поэтика* писем. Не являясь художественным произведением, письмо несет на

¹⁶ Материалом исследования в этой части диссертации стали 630 писем Зайцева, опубликованные в тт. 10–11 собрания сочинений, а также неопубликованные письма к Л.Ф. Зурову (АМ БФРЗ. Ф.3).

себе следы индивидуального авторского стиля, обладает своеобразной эстетической выразительностью. На уровне отдельных фрагментов можно говорить о полистилистичности и даже полижанровости писем Зайцева: они содержат мемуарные, лирико-исповедальные, очерковые, и публицистические включения, в них присутствуют диалоги, сценки и микросюжеты, встречаются различные формы комического, разнообразны тропы, реминисценции из мировой литературы (Данте, Гоголя, Чехова, Л. Толстого), образные наименования знакомых людей. Благодаря этому качеству писем их можно рассматривать не только как источник сведений о жизни автора и его окружения, но и как произведения особого жанра документальной литературы.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения творчества Зайцева.

Изучение индивидуальной жанровой системы писателя давно утвердилось в науке как продуктивное направление, но проводилось преимущественно на материале литературы XIX в. В настоящем исследовании впервые предпринят анализ жанровой системы писателя XX в., в чьем творчестве доминируют жанры художественно-документальные. Созданная в диссертации модель разграничения жанров и выявления системных связей между ними может быть применена к творчеству других писателей XX в., обращавшихся к сходным жанровым формам (например, Н. Берберовой, В. Ходасевича и др.).

Впервые предпринятый анализ жанровой системы Зайцева позволил увидеть творчество Зайцева как системное и типологическое единство, как целостный и своеобразный феномен литературного процесса XX века. Одновременно нельзя не заметить, что в творчестве писателя проявились тенденции, характерные для литературы русского зарубежья в целом, а также литературы метрополии: например, актуализация литературно-критических жанров, порожденная переосмыслением классического наследия, повышение интереса к биографиям выдающихся людей, распространение мемуарных жанров, свидетельствующее о стремлении соотнести частный опыт с историческими событиями. Таким образом, наблюдения и выводы, сделанные в диссертации на конкретном историко-литературном материале, плодотворны для изучения типологии всего русского литературного процесса XX в. Одновременно открываются широкие перспективы для дальнейшего сопоставительного анализа произведений Зайцева с произведениями современной ему литературы: русской зарубежной (И. Бунина, В. Ходасевича), советской (М. Горького, Л. Леонова, М. Пришвина), западно-европейской.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии, учебные пособия

1. Яркова А.В. Жанровое своеобразие творчества Б.К.Зайцева 1922–1972 годов: Литературно-критические и художественно-документальные жанры. Монография. – СПб.: ЛГООУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 211 с. [11 п.л.]
2. Громова А.В. Б.К. Зайцев во Франции. – Орел: Картуш, 2007. – 212 с. [13,25 п.л.]
3. Яркова А.В. Б.К. Зайцев: Семинарий: Учебное пособие. – СПб.: ЛГООУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 134 с. [8,4 п.л.]

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

4. Громова А.В. «Поэзии с наглежащей материсй не по дороге...» (Б.К. Зайцев. Публицистика 1910–1920-х годов) // Филологические науки. – 2007. – №4. – С.9–18. [0,5 п.л.]
5. Громова А.В. «Век христианнейшей литературы...» (Б.К. Зайцев о русских писателях XIX века) // Русская словесность. – 2008. – №3. – С.33–37. [0,5 п.л.]
6. Громова А.В. Жанр беллетризованной биографии в литературе русского зарубежья (произведения Б.К. Зайцева) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина: Научный журнал. – № 2(12). – Серия филология. – СПб., 2008. – С.43–53 [0,5 п.л.]
7. Громова А.В. Жанровый состав литературно-критического наследия Б.К. Зайцева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина: Научный журнал. – № 1(9). – Серия филология. – СПб., 2008. – С.7–16. [0,5 п.л.]
8. Громова А.В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б.К. Зайцева // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – Вып.7 (63). – 2008. – С.108–114. [0,6 п.л.]
9. Громова А.В. Из истории литературы русского зарубежья // Русская литература. – 2008. – №2. – С.203–211. [0,75 п.л.]
10. Громова А.В. Путевые циклы Б.К. Зайцева: жанровый аспект // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: Научный журнал. – № 1(9). – Серия филология. – СПб., 2008. – С.73–82. [0,6 п.л.]
11. Громова А.В. Роль документа в творческой истории книги Б.К. Зайцева «Афон» // Вестник Челябинского государственного университета: Научный

- журнал. – 2008. – № 23 (124). – Филология. Искусствоведение. Вып.24. – С.53–57. [0,4 п.л.]
12. Громова А.В. Роль реминисценций в книге Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева» // Русская речь. – 2008. – №5. – С.19–24. [0,4 п.л.]
13. Громова А.В. Творческая история книги Б.К. Зайцева «Афон» // Русский язык за рубежом. – 2008. – №4. – С.89–95. [0,5 п.л.]
14. Громова А.В. Отражение культурно-исторической концепции Б.К. Зайцева в путевом цикле «Италия» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина: Научный журнал. – Серия филология. – СПб., 2008. – № 4(16). – С. 68–76. [0,5 п.л.]

Статьи, материалы

15. Яркова А.В. Книга Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева» и символистская критика конца XIX – начала XX веков // Проблема традиций в русской литературе: Межвуз. сб. науч. трудов. – Нижний Новгород: НГПУ, 1998. – С.192–201. [0,5 п.л.]
16. Яркова А.В. Праздник бытия: Черты идиллии в произведениях Б.К. Зайцева // Праздник в русской культуре, фольклоре и литературе: Сб. ст. Пушкинских чтений–97. – СПб.: ЛГОУ, 1998. – С.119–129. [0,5 п.л.]
17. Яркова А.В. Б.К. Зайцев об И.С. Тургеневе: Черты поэтики литературного силуэта // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика: Сб. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С.47–56. [0,5 п.л.]
18. Яркова А.В. Жанр автобиографического романа в творчестве Б.К. Зайцева // Жанры в литературном процессе: сб. науч. ст. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2000. – С.122–138 [0,75 п.л.]
19. Яркова А.В. Образ Франции в произведениях Б.К. Зайцева «Странник», «Дом в Пасси» // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. Вып.3. – Калуга: Гриф, 2001. – С.174–183 [0,5 п.л.]
20. Яркова А.В. Литературные рецензии Б.К. Зайцева как жанр // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Сб. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С.121–131. [0,5 п.л.]
21. Яркова А.В. И. Тургенев и А. Чехов в творческой интерпретации Б. Зайцева и в критике Серебряного века // Символизм и русская литература XIX века (памяти А.С. Пушкина и А.А. Блока); Пушкин и Шекспир: междунар. науч. конференции. Мат-лы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С.142–159. [0,75 п.л.]

22. Яркова А.В. Литературно-критические и художественно- документальные жанры в творчестве Б.К. Зайцева 1922–1972 гг. // Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX в.: Четвертые Международные научные Зайцевские чтения. Вып.4. – Калуга: КОИПКРО, 2003. – С.78–84. [0,5 п.л.]
23. Громова А.В. Значение эпистолярного наследия Б.К.Зайцева // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Сб.ст.: Пятое Международные юбилейные научные чтения. Вып.5. – Калуга: КОИПКРО, 2005. – С.92–101 [0,5п.л.]
24. Громова А.В. Очерковый цикл Б.К. Зайцева «Прованс» // Пушкинские чтения–2008. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С.141–148. [0,5 п.л.]
25. Яркова А.В. Б. Зайцев и В.В. Розанов об И.С. Тургеневе // Пушкинские чтения–96: Сб. тезисов межвуз. конф. 6 июня 1996 г. – СПб.:ЛГОУ, 1996. – С.36–38 [0,2п.л.]
26. Яркова А.В. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького и Б. Зайцева: Очерки о Л. Андрееве // Горьковские чтения–1997: Мат-лы междунар. конфер. «Максим Горький и XX век». – Нижний Новгород: ННГУ, 1997. – С.232–236. [0,25 п.л.]
27. Яркова А.В. Ранняя проза Б. Зайцева: Особенности поэтики // Пушкинские чтения–97: Тезисы межвуз. конфер. 6 июня 1997 г. – СПб.: ЛГОУ, 1997. – С.52–56. [0,2 п.л.]
28. Яркова А.В. Женские образы в книге Б. Зайцева «Жизнь Тургенева»: О поэтике документально-художественного произведения // Пушкинские чтения–98: Мат-лы межвуз. науч. конфер. – СПб.: ЛГОУ, 1998. – С.12–13. [0,1 п.л.]
29. Яркова А.В. Книга Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенсва» в литературно-критическом контексте // В поисках гармонии: О творчестве Б.К. Зайцева. Межвуз. сб. науч. трудов. – Орел, 1998. – С.93–97. [0,2 п.л.]
30. Яркова А.В. Эстетические принципы создания образа героя в книге Б.Зайцева «Жизнь Тургенева» // Проблемы изучения жизни и творчества Б.Зайцева: Первые Междунар. Зайцевские чтения. – Калуга: Гриф, 1998. – С.69–75. [0,3 п.л.]
31. Яркова А.В. Книга Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева»: Особенности поэтики // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева. – Вып.2. – Калуга: Гриф, 2000. – С.76–79. [0,25 п.л.]

32. Яркова А.В. А.П. Чехов в творческой интерпретации Б.К. Зайцева и Чеховиана XX века // Пушкинские чтения–2000. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2000. – С.104–112. [0,25 п.л.]
33. Яркова А.В. Б.К. Зайцев о К.Н. Леонтьеве // Пушкинские чтения–2001. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2001. – С.122–125 [0,25 п.л.]
34. Яркова А.В. Рецензии Б.К. Зайцева 1920-х гг. // Юбилейная междунар. конф. по гуманит. наукам. – Вып. II: Л.Н. Андреев и Б.К. Зайцев. – Орел: ОГУ, 2001. – С.141–148. [0,25 п.л.]
35. Яркова А.В. Вступительная статья и примечания к публикации: Б.К. Зайцев. Две рецензии // Русская литература. – 2002. – №1. – С.217–226. [0,25 п.л.]
36. Яркова А.В. Очерки Б.К. Зайцева о Н.В. Гоголе в контексте литературной критики XX века // Пушкинские чтения–2002: Мат-лы междуу. науч. конф. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – С.213–218. [0,3 п.л.]
37. Яркова А.В. Александр Блок глазами Б.К. Зайцева // Пушкинские чтения–2003. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2003. [0,1 п.л.]
38. Яркова А.В. Б.К. Зайцев о творчестве И.А. Бунина // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939): Исследования и публикации. – Орел: Вешние воды, 2003. – С.167–169 [0,2 п.л.]
39. Яркова А.В. Тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» в контексте русской автобиографической прозы: К вопросу о жанровой специфике произведения // Жанры в историко-литературном процессе. Сб.ст. – Вып.2. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2003. – С.95–100 [0,25 п.л.]
40. Яркова А.В. О жанре биографического очерка в наследии Б.К. Зайцева // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы. – Орел, 2004. – С.52–54. [0,1 п.л.]
41. Громова А.В. Литературный быт русской эмиграции 1920–1930-х годов в письмах Б.К. Зайцева // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Мат-лы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения–2005». – СПб.: Астерион, 2005. – С.239–243 [0,25 п.л.]
42. Громова А.В. Духовное пространство Петербурга начала XX века в восприятии Б.К. Зайцева // XI Пушкинские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006. – Т.1. – С.113–116. [0,25 п.л.]
43. Громова А.В. Письма писателя как феномен литературы: Об эпистолярии Б.К. Зайцева // Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. – Орел, 2006. – С.114–118. [0,25 п.л.]

44. Громова А.В. Б.К. Зайцев и Л.Ф. Зуров: История отношений // Реальность – литература – текст: Мат-лы Всероссийск. научно-практ. конф. «Калуга на литературной карте России». – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2007. – С.177–181. [0,25 п.л.]
45. Громова А.В. Истоки документально-художественного творчества Б.К. Зайцева // Далекое, но близкое: Мат-лы лит. Чтений к 125-летию со дня рождения Б.Зайцева: сб. докладов. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, Издат. дом «Стратегия», 2007. – С.66–69. [0,25 п.л.]
46. Громова А.В. Очерк Б.К. Зайцева «Около Св.Серафима» (1933) в аспекте жанрового своеобразия // Нижегородский текст русской словесности: Межвуз. сб. науч. ст. – Н.Новгород: НГПУ, 2007. – С.159–162. [0,2 п.л.]

Подписано в печать: 19.01.2009

Заказ № 1450 Тираж - 150 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

10-